

ЧАСТЬ 1 «Кис-Брысь-Мяу»

ГЛАВА 1

Дети — это наше отражение. Они копируют и воспроизводят все в буквальном смысле, что видят и слышат. О чем мечтали дети «девяностых», и кто был их кумиром? Вряд ли будет много вариантов. Витька Малеев и Тимур со своей командой их уже не вдохновляли. Нынешние ровесники героев названных книг вряд ли вообще были знакомы с этими произведениями.

В один из дней трое таких подростков, как обычно, проводили время вместе. Они были знакомы и дружны очень давно. На удивление неразлучная компания — два пацана и одна девчонка. Кстати, никто из них не считал ее девчонкой — она всю жизнь была «свой в доску парень». Спрятавшись в своем укромном месте, ребята до побледнения и посинения смолили где-то с трудом добытые сигареты. В целях экономии они передавали одну штуку по кругу, при этом смачно, к месту и не совсем, матерились и вели взрослые разговоры.

— Бандитом быть классно — у них власть, у них деньги, — рассуждал Ромка. — Круто.

— Ага, тачки крутые, — поддакнула Олеська. — К Ленке из тридцать второй такой ездит. Видели? Цепь толщиной в палец. В рестораны водит ее постоянно. Бабла немеряно.

— Да у Ленки — это разве “крутяк”? Это ж “шестерка”! — со знанием дела презрительно перебил ее Ромка, брызгая слюной, — большие дела совсем на другом уровне делаются. Там братки ого-го! Вы вообще знаете, кто город держит?

Друзья с ним не спорили. Ромка действительно в этом деле знал гораздо больше их. У него был старший брат, который являлся несомненным авторитетом для собравшихся. Он очень взрослый. Уже почти год, как вернулся из армии, где побывал на войне, много видел, много испытал и теперь сам крутился, как мог, пытаясь интересней устроиться в жизни менявшейся на глазах страны.

Когда Ромка заводил разговор про власть в городе, вид у него всегда

становился серьезным и загадочным. То была тайна за семью печатями, куда заглянуть можно было не каждому смертному. Конечно, любой слышал и знал некоторые имена людей, имеющих недостижимую высоту положения. Они звучали громко, страшно, запретно. Однако что творилось в верхах, как и кем раздиралась на куски страна, естественно, не дано было знать ни Ромкиному брату, ни Ленкиному хахалю. Но пацан, тем не менее, затрагивая эту тему, постоянно напускал на себя большую важность и делал вид, что ведаёт о чем-то большем, чем «люди говорят». Ребяшня же, по обыкновению, проникалась этой загадочностью и под сомнение авторитет Ромкиного брата ставить не пыталась.

— Да, круто, — задумчиво согласившись, ввязался в разговор третий, — но я в институт учиться пойду, — выдал Сергей.

— Тьфу, букварь, — презрительно отозвался Ромка и сплюнул.

Он не зря насмеялся — Сергей, не смотря на свою шкодливость, учился в школе действительно очень даже неплохо. Но если разобраться, не был он на самом деле ни «букварем», ни «ботаником», кем время от времени с таким пренебрежением называл его друг. Никогда ничего он ни разу не зубрил. Учеба давалась ему легко сама собой без особых усилий. По гуманитарным предметам, особенно с иностранным языком — английским, были у него, конечно, кое-какие заминки, но все, что касалось точных наук — расчеты, доказательства, логические решения любых задач — тут не поспоришь, в этом он был ас. Отличные оценки на этих уроках, казалось, сами сыпались с неба в журнал успеваемости.

— Уж лучше так, чем получить пулю в лоб на каких-нибудь разборках, — логично и резонно заявил он.

— Ну и будешь инженером на заводе горбатиться, — предрек ему неприглядную, по его мнению, судьбу Ромка.

— Ну почему? Может я до директора дорасту, — со здравым смыслом Сергея сложно было спорить, его мозги всегда просчитывали ходы вперед.

— Ха! Директором! Чтоб директором стать, связи нужны.

— Но и «высшее» тоже нужно, — заметил Серёга. — Можно подумать без связей у братков дальше «шестерки» вырвешься. Так же и будешь никем, только или сядешь, или убьют.

— Ай, — отмахнулся от него Ромка.

Неромантичная приземленность друга его раздражала. Убедить того поверить в фортуна было сложно. В ответ сразу выдавалось точное число вероятности выпадения такой удачи. Букварь он и есть букварь.

Сергей все время был осторожным и, не придя к выводу, что выбрал самый разумный вариант, ничего не делал. Прогорал исключительно только из-за своей излишней активности, присущей большинству детей. Как говорили бабки: «Шило в одном месте у него вертелось». В остальном же он поступал всегда очень продуманно.

С того времени прошло больше двух лет. И каким образом он влетел так глупо и так, в буквальном смысле, серьезно — Сергей понять не мог. А подумать об этом теперь как раз было время и место. Сидя вторую неделю в камере следственного изолятора, он только этим и занимался — думал. Думал о том, как и почему, и кто, и зачем, и снова — как. Прокручивал и прокручивал в мозгах все произошедшее, строил логические цепочки, делал выводы. В итоге разочарование и цинизм все больше и больше овладевали им. Детство и мечты остались там, за железной дверью.

Признавал ли он свою вину? Да, конечно признавал. В драке он участвовал, есть свидетели, и получается, это отрицать невозможно. Следователь ему все в очень доходчивой форме объяснил. Хотя, конечно же, Сергей поначалу юлил и пытался как-то вывернуться. И все же осталось непонятным, почему виноватым оказался только он, ведь их, затеявших бучу, было четверо. Где все остальные? Да, то, что при групповом нападении обстоятельства отягчаются, он, само собой, знал. И не секрет, что от торжества справедливости, если призвать к ответственности всех соучастников, проиграет в первую очередь он сам. Любому дураку понятно — тянуть всех за собой бессмысленно. Но тем не менее, почему за всех отвечать приходилось именно ему?

Вообще-то в тот вечер начал бузить и докапываться до случайных встречных ребят Ромка, вечно строивший из себя безбашенного аморального героя-подонка. Сергей и другие пацаны лишь немного помогли ему, чтобы разбычившийся друг не получил в ответ по своей не очень умной голове. Жертвы, хоть и были в меньшинстве,

рыпались и отчаянно сопротивлялись, потому добивали их с огромным удовольствием. Мимо ценных вещей пострадавших не смог пройти спокойно опять же Ромка. И если до этого вся устроенная ими заварушка могла попасть под простое определение — драка, то после обчищенных карманов получался уже разбой и грабеж, да еще групповой. Так почему же в итоге во всей этой истории остался крайним Серёга, а не тот, кто все это затеял? Где справедливость?

Несмотря ни на что, Сергей, естественно, по «понятиям» как «настоящий пацан» старался молчать. Он был уверен, что именно так стоило поступать. Тем более, что на допросах с каждым разом он все больше терялся и уже не мог толком сообразить, что именно от него хотели. Чтобы он всех сдал или чтобы взял всё на себя? На него, морально выматывая, все давили, давили и давили...

Находясь в постоянных раздумьях и ожидании наказания, ему, стыдно сознаться, становилось страшно. Когда-то так часто и много пропагандируемые Ромкой хвалебные оды о преступном мире, теперь Сергея еще больше совершенно не вдохновляли. Это вообще-то никогда не было его целью, а сейчас, находясь за этими стенами, не хотелось совсем. Невольно на ум приходили мысли: «В восторге ли сам Ромыч сейчас? Сбылась ведь мечта идиота — пойдет по этапу, станет бандитом». Хотя нет, это поначалу такие мысли у Серёги возникали, а после того, как ему показали результат допроса друга, он уже ничего не стал думать, кроме того, как теперь ему одному из всего этого выбираться. А уж почему самый верный друг и товарищ вдруг свалил на него всю вину, он собирался выяснить как-нибудь позже. Хотя, что выяснять? Скорее всего, Ромку так же прессовали со всех сторон, вот и сломался друг. А, возможно, его и не спрашивали вовсе. Решили за него все, так же, как и за других соучастников. Логично, что родственники Романа и других пацанов, соучастников преступления, суетились за сыновей, всеми правдами и неправдами вызволяя их из сложившейся сложной ситуации. Получалось, что Сергей, без сомнения, был лучшей кандидатурой козла отпущения в этом процессе. За него некому было суетиться. У его матери не было ни денег, ни связей, чтобы отмазать его. Да и что-то подсказывало Серёге, что его родные, возможно, как раз и рады были избавиться от него таким образом. Поэтому, отчаявшись, Сергей все же подписал полное признание своей вины и криво усмехнулся:

«А ничего так я их, один, двоих уработал».

После лежал на нарах, ждал приговор и старался думать только о хорошем...

Первая любовь пришла к Сергею рано. Внезапно, «свой парень» Олеська начала округляться. Серёга все чаще останавливал свои заинтересованные взгляды на прелестях подруги. Молодая горячая кровь при этом бурлила, сердце бешено билось, в висках стучало, весь организм делал стойку натянутой струной. И однажды, теряя разум, он все же зажал девушку в подъезде. Руки жадно ощупали те самые давно манившие округлости. Олеська поначалу возмущенно пискнула, но Серёгин рот спешно мокро облизнул ее, и она затихла. Сергей встретился с шокированным взглядом девчонки и нервно залепетал:

— Ты красивая.

Он снова прикоснулся к ее губам, сначала неуверенно, чуть шевеля своими губами, потом, осмелев, пропихнул в ее рот язык. Его руки дрожали, но он настырно лез ей за пазуху и, наконец, ладони с блаженством скользнули по гладкой коже. Все внутри нервно трянуло от возбуждения, он еще крепче прижал девушку к стене.

Звук открывшейся подъездной двери отрезвил — Сергей отстранился. Олеська пользоваться случаем и убежать не стала. Они оба стояли в ожидании, потупив взор. С невинным видом пропустили медленно поднимающуюся на верхние этажи старушку, привычно ворчавшую на молодежь, и, как только она скрылась за следующим пролетом, Сергей уже по-хозяйски притянул девчонку к себе. Руки той добровольно вскинулись ему на шею, и Серёга с Олеськой слились в поцелуе. Так началась их любовь.

Поздно вечером, лежа в постели, он с наслаждением вспоминал мягкое теплое девичье тело, влажные губы, огромные красивые глаза. Рука скользила, поглаживая упругую до болезненности плоть, наращивая и наращивая темп, вскоре он с наслаждением дернулся, и тепло растеклось между пальцев. Сергей торопливо обтерся о простыни. На соседней кровати сопел спящий братишка. Устроившись поудобнее, Серёга с улыбкой удовлетворения тоже заснул.

Смелость и любознательность девчонки довольно быстро перевела их отношения в горизонтальную плоскость. В отсутствие родителей, оставшись одни в квартире, они оба вдруг решили, наконец, познать взрослые запретные игры. Наспех раздевшись, Олеся вела себя, как бывалая обольстительница — легла навзничь, взглядом зовя с собой. Как тут устоять? Сергей, робея, неуклюже навалился на нее, руки снова дрожали. Стянул с себя застиранную футболку, приспустил штаны. Приятное соприкосновение кожи с кожей сбивало и учащало дыхание. Он суетно тыкал между ног девчонки в тщетном поиске заветного прохода. Она возбужденно постанывала, похоже, что ей это нравилось. Сергей же злился — ничего не выходило.

— Блин, где? — зашипел он.

Олеся взяла его неуверенной рукой и направила. Толчок — и он потихоньку начал проскальзывать в нее. Девчонка сжалась, но уже ничто не могло остановить Сергея. Он еще резче двинулся дальше. Олеська вздрогнула, но терпеливо промолчала. Ее цепкие пальцы немного неприятно и больно сжали его плечи. Но он этого в тот момент почти не замечал. Его охватили невероятные ощущения, он толкнулся еще несколько раз в горячую тесноту, и волна удовольствия накрыла его. Расслабившись, мельком взглянул вниз — бедра девушки и постель под ней были измазаны кровью и белой слизью.

— Больно? — заперезживал Серёга, но его глаза азартно светились.

— Нормально, — побледневшая девчонка храбрилась, напуская на себя невозмутимый вид.

— Это классно, — улыбнулся он ей, охваченный счастьем, поцеловал и откровенно признался. — Олеська, я тебя люблю.

Слова про любовь — не пустые слова. Если бы спросили его тогда, он с полной уверенностью ответил бы, что да, он действительно Олеську любит. Те ощущения, что она ему подарила, это ли была не любовь? Душа взмывала вверх, только от одних мыслей, что Олеська теперь полностью во всех отношениях его девчонка, а он — настоящий мужик. Он даже готов был жениться на ней, лишь бы иметь доступ к тому, что привело его в такой восторг. Он таскал девчонке конфеты со стола, рвал ромашки на пустыре и тюльпаны с газона, делал за нее математику и в школе, и дома. И все это лишь за

то, чтобы снова ощутить то испытанное блаженство. И она ему его давала. За конфеты, за ромашки и за математику, а чаще за просто так... по любви.

Теперь Серёга уже не так нервничал. Освоившись, не был так тороплив. С наслаждением входил во вкус, познавая с каждым разом всё больше тонкостей любовной игры. Олеська же экспериментировать не любила, да и вообще, сам процесс ее не очень увлек. Получив путевку во взрослую жизнь и заимев кое-какие навыки в сексе с другом детства, она обратила свои взоры на более перспективные варианты. Если уж и снимать трусы, то лучше перед тем, кто побогаче — такой она вскоре сделала вывод. Жить долго и счастливо с безродным Сергеем в ее планы не входило. Как друг он, конечно, хорош и привычен, но в остальном ловить было нечего.

Сергей, погрязнув в своей «любви» к доступной подружке, совершенно не замечал, что подружка давно стала не только его. А осенью произошло то, что должно было однажды произойти — она забеременела. Сергей был уверен, что ребенок его. Она тоже убеждала его в этом. Вполне возможно, оно так и было. Олеськины родители, узнав о претенденте на звание отца, без раздумий утащили дочь на аборт, попутно поскандалив у Сергея дома. Сергей получил свою очередную порцию по шее от матери и отчима, немного нахмурился от Олеськиного решения, как будто в свои шестнадцать она что-то решала сама, даже покричал возмущенно на нее в пьяном запале. А протрезвев, облегченно вздохнул — перспектива отцовства, естественно, его не привлекала. Отношения Сергея и Олеси медленно и верно приближались к концу, но тут случилось то, что случилось.

Теперь, лежа на нарах, все это почему-то вспоминалось в белом цвете, как что-то самое лучшее случившееся в его жизни. Ему снова казалось, что он любит Олеську, и в минуты беспросветной тоски больше, чем когда-либо хотелось взаимности. Он очень хотел, чтобы подруга переживала за него, и даже, наверное, ждала. Грустно быть совершенно одному. Одиночество окружало и давило. Но трезвая логика, ухмыляясь и смеясь над ним, подсказывала, что ни черта он никому не был нужен. Не существует в этой жизни ни любви, ни дружбы. Кругом сплошное предательство.

Иногда, во время коротких свиданий, появлялась взволнованная, усталая, полностью разочарованная в Серёге мать. Наводила на

него еще большую нестерпимую тоску. Казалось, мама теперь особенно сильно сожалела о существовании такого сына. Сергей еще больше замыкался в себе.

Однако не зря сказано, что ко всему привыкают. Паника и мандраж отступали, на смену приходила апатия. Но и она скоро начала пропадать. Все чаще Серёга стал вслушиваться в разговоры бывалых сокамерников, примеряя надвигавшуюся неизведанную жизнь на себя. Мозги снова просчитывали и прощупывали новые тропинки к максимально выгодному положению. Перспективы мало радовали, но приходилось выбирать из того, что предлагала на тот момент судьба. Больше всего теперь нервировала неопределенность — суд по непонятным причинам каждый раз откладывали. Новый год застал его в тех же стенах. Придуманная кем-то примета о том, что, как встретишь этот праздник, так весь год и проведешь, неприятно скребла по душе, рисуя безрадостные перспективы.

Но изменилось все внезапно.

ГЛАВА 2

Вызов на допрос и встречи с адвокатом стали привычным делом. Когда в очередной раз куда-то повели, появилась слабая, но надежда, что, наконец, уже скажут что-то определенное. Ожидание приговора убивало уже больше, чем возможность самого наказания. Оказалось, всего лишь сменили адвоката. Без разведения демагогии тот кратко объяснил ход дальнейших действий. Добиваться будут полного примирения сторон. Спускать все на него одного — абсурдно. Пожалуй, это все, что понял Сергей из сложных юридических формулировок, которыми оперировал жутко деловой на вид мужчина. Произносимые им правильные вещи, казалось, должны были воодушевлять, но вновь поднятая суета, Сергея мало радовала.

— Примирение чего-то стоит ведь? — угрюмо заметил он, непонятно с чего вдруг оптимистично настроенному адвокату.

— Естественно, — согласился тот, — нужен откат.

— У нас нечем платить.

— Значит, придется отрабатывать.

Сергей не придавал значения этим словам. Они показались ему пустыми. Кто и как будет отрабатывать? Нелепое заявление. Вывод

напрашивался один — приговор снова откладывался на неопределенный срок, волокита продолжалась. Кому-то, видимо, выгодно было затягивание процесса. Однако буквально через неделю тот же человек встречал подзащитного в компании неизвестных тому людей. Сергей подозрительно оглядел собравшихся, в душу закралась тревога. И, похоже, не зря — сотрудник милиции занес личные вещи, изъятые при аресте.

Адвокат ввел в курс дела:

— Дело еще не закрыто. Выходишь под подписку, будешь под ответственностью Юрия Владимировича, — он кивнул на одного из мужчин.

Сергей растерянно оглянулся. Вид мужчины ясности не внес, его он однозначно видел впервые, и совершенно непонятно, почему тот должен был за него отвечать.

Тем не менее инструктаж продолжался:

— Никаких самовольных отлучек, никаких контактов вообще ни с кем: ни с друзьями, ни даже с родными. Считай, та же тюрьма, только более комфортная. Малейший промах — и пойдёшь по этапу. Мы работаем дальше. При самом благоприятном исходе — спец учёт в ИДН, максимум — условный срок. Усвоил?

Сергей машинально кивнул, еще не до конца веря, что это происходит на самом деле.

«Неужели действительно получится избежать заключения? — подумал он. — И какая будет за это расплата?»

Вопросы важные, но задать их ему возможности не дали, и отвечать, само собой, никто ни на что не собирался.

— Забирай манатки и в машину. На месте разберетесь, — поторопил адвокат замешкавшегося Сергея и подтолкнул к выходу.

Новая тюрьма реально была комфортная: огромная территория загородного особняка, по меркам Сергея, для четырех жильцов — дворец. У хозяина, того самого Юрия Владимировича — супруга и две дочери: одна постарше, ничего так девица, навскидку лет восемнадцати или девятнадцати, другая — малолетка, едва покинувшая детство и вступившая в тинейджерскую пору. На эту

«великолепную четверку» здесь работала целая армия обслуживающего персонала: два водителя, домработница и садовник — семейная пара в возрасте, няня для тринадцатилетнего «ребенка» и восемь человек охраны, больше смахивающих на братков. При них Сергей и состоял теперь девятым элементом. Он бесцельно слонялся среди телохранителей, невольно слушал непонятные разговоры, потихоньку вникая в частную охранную систему. Чаще его отправляли помогать по дому: убирать снег, что-то таскать, доставать, приносить, двигать, разгружать. А в целом все равно оставалась полная неясность — ведь не для этого же он здесь был нужен. Никто Сергею, с тех пор как он здесь появился, ничего так и не объяснил, и он просто продолжал, неизвестно по каким причинам, жить в этом доме.

В один из вечеров телевизор бубнил голосом диктора какие-то новости, ребята что-то монотонно обсуждали, а Сергей листал кем-то брошенный журнал «Playboy». Дверь тихонько скрипнула, в проеме показалась хитрая мордашка девчонки. Младшая дочь хозяина — Анастасия. По мнению Сереги, на редкость капризное и избалованное дитя. Сам лично он еще не сталкивался с ней, но и со стороны хорошо было заметно, что это так. Вот и сейчас он не сомневался — малявка явилась с какой-то прихотью.

— Дядь Саш, — заканючила она, — помоги математику сделать.

Дядя Саша — Александр — семейный водитель, безотказный дядька и в целом мировой мужик, во всяком случае, Сергей из всех своих новых знакомых его уважал больше всех. Он взял тетрадь, поблуждал взглядом по криво накарябанным цифрам и оглядел троих присутствующих ребят.

— Дроби какие-то. Кто знает? Ген?

Генка, который, похоже, уже не раз проделывал подобное, неохотно взялся за ручку, что-то бурча под нос.

— Вон же Серёга — школьник, пусть он решает, — заметил Женька, не растерявшись, пришел на помощь напарнику. Вырвал из рук Сергея журнал. — Эй, ребёнок, это не детская книжка, — отвесил Серому смачный подзатыльник. - На, лучше вот это почитай, - сунул ему тетрадку в клетку.

Настька весело прыснула в кулак, Сергей зло блеснул взглядом и

принялся быстро и размашисто записывать решение. Математика за седьмой класс не вызвала у него ни малейшего затруднения. Минутное дело. Ему несложно, вот только насмешки и последующее борзое поведение барышни ему вообще не понравились.

— Ты понятней пиши, — предъявила девчонка, — мне же еще переписывать.

«Соплячка», — мысленно выругался он.

Настька-соплячка — очень хитрая девица. Она быстро сориентировалась и пристроилась — ежедневно, без разговоров, теперь сразу швыряла Сергею учебник с тетрадью и после со скучающим видом сидела в ожидании результата. Через неделю их накрыл за таким занятием Юрий Владимирович.

— Не понял, — возмутился отец, — почему он за тебя решает?

Девочка тут же заныла:

— Папочка, я же ничего не понимаю.

— Не понимаешь, так попроси объяснить, а не решать за тебя, — строго высказался отец и перевел взгляд на Сергея. — Ты что это тут устроил, недоумок? Объясняй ей.

Это, пожалуй, впервые после Серёгиного освобождения попечитель вдруг вспомнил о существовании своего подопечного и хоть как-то обратил на него внимание. До этого, казалось, мужчина уже и забыл о нем. А ведь впереди, когда все наконец устаканится с судом, ему — Сергею — еще предстояло как-то расплачиваться за свободу. От одной только мысли об этом у него все холодело внутри. Что он сам мог сделать для такого большого человека? Чем отблагодарить? Казалось, что ничем. И вот, наконец, появилось какое-никакое, но задание — объяснить математику дочери хозяина. Вряд ли оно могло пойти в счет оплаты, тем не менее Сергей постарался угодить хотя бы в этом. Кто знал, что занятие окажется из неблагодарных.

Что-то донести до девчонки было нелегко, можно даже сказать — невозможно. Во-первых, случай попался ему крайне запущенный. Настя не знала элементарного, и начинать обучение надо было с азов. Во-вторых, она даже не стремилась понять. Насупившись, с

надменным видом сидела, чавкая жвачкой. Он еще какое-то время пытался что-то донести до нее, потом бросил все и ушел. А через несколько дней пришлось выслушивать гневную речь:

— Я сказал тебе с ней позаниматься. Почему двойки? Ты даже элементарных мелочей выполнить не можешь. Нахлебник.

— Я же не репетитор, — возмутился Сергей. — Тем более она... — он хотел сказать «круглая дура», но вовремя осекся, вспомнив с кем имеет разговор.

— Ты тут не пререкайся, иначе быстро вернешься, откуда пришел, — не вникая в суть проблемы тут же напомнили ему, что неплохо подействовало.

«Значит, это все-таки работа», — решил Сергей, и, сбавив тон, начал оправдываться:

— Она даже не слушает, я как ей должен объяснять?

Младшая дочь, срочно представленная перед ясными очами родителя, залилась крокодильими слезами, давя на жалость отцу. После Сергей и Настя сидели тут же, при папаше, и занимались математикой. Девочка зло стреляла заплаканными глазками на Серёгу, но тихо-помалу внимала и вникала. Так началась их холодная война, а у Сергея появилась первая прямая обязанность. Табель успеваемости Анастасии был индикатором благосклонности к нему хозяина положения. Постепенно все “зихера” капризного взбалмошного ребенка также свалились под его ответственность. Братки, шутя и смеясь, теперь называли Серёгу Настькиным личным охранником, а он недовольно сквозь зубы на это матерился.

Шло время, наступила весна, а решение суда ему все так и не предъявляли. Теперь его иногда стали брать в город по каким-то незначительным делам, чаще по бытовым. Бывало, он отправлялся за пределы дома и вместе с ребятами. Жизнь у тех бурлила. Сергей все пытался выяснить специфику бизнеса, в котором они крутились. Тот был слишком разнообразен — рвали бабло отовсюду, откуда только можно.

Один раз заехали в тир. Парни стреляли, Сергей скучал.

— Попробуешь? — предложил ему мужчина, оказавшийся рядом.

— Не, — мотнул Серёга головой, пряча руки в карманы.

— Давай-давай, — подтолкнул мужик его к исходной точке. Через некоторое время Сергей, следуя подробной инструкции, выпустил все-таки всю обойму по мишени.

— Ну... пойдет для первого раза... — услышал он слова одобрения, — в принципе неплохо, — перед Серегой легла сама мишень. Пять рваных точек, одна из которых на границе восьмерки и девятки. — Ну как? Понравилось?

Сергей снова быстро мотнул головой и нервно сглотнул, не в силах ответить — под ложечкой неприятно сосало. Ему, как любому нормальному пацану, конечно, понравился сам процесс. В обычных условиях он без сомнения ликовал бы от восторга, но сейчас тревога и паника перекрывали все эмоции. Инструктор, окинув мальчишку разочарованным взглядом, хмыкнул:

— Ну, ладно... Научиться все равно надо, — он начал вставлять новую обойму.

— Зачем мне это надо? — голос Сергея прозвучал подозрительно и обеспокоенно.

— На всякий случай. На, держи...

Управляться с оружием он в итоге научился сносно. Руки держал твердо, в цель в большинстве случаев попадал. Разобрать, собрать, зарядить, почистить умел. Расслабило то, что использовать это умение на практике никто не настаивал, более того, Сергей пока вообще не замечал, что кто-то из его нынешнего окружения занимался какими-либо разборками, которые прежде так романтично описывал Ромка, тем более вооруженными.

— Если ты работаешь в охране, ты должен уметь такие элементарные вещи, — объяснил ему позже дядя Саша и добавил, — времена сейчас беспокойные. Сам понимаешь.

— Я буду охранником? — Сергей не сводил напряженного взгляда с мужчины. Тот, отвернувшись, помолчал довольно долго, но все же ответил.

— Серёга, не будь ребенком. Ты должен был быть уже уголовником, а ты переживаешь за охранника. Ты хоть в курсе, кого вы тогда

отметелили?

— Нет. Кого? — ответа он не дождался. Мужчина молча курил. Похоже, вопрос был риторический. — А решение суда когда будет?

— Суда? — дядя Саша озадаченно крикнул и потрепал Сергея отечески по вихрам. — Суда не будет. Решать не суд будет.

Кто будет решать и что решит, очень беспокоило Серёгу. Также стало очень интересно, кто же все-таки оказался тогда их жертвой. Что стало с другими участниками драки? Знает ли мама, где сейчас находится ее сын, да и вообще кто-нибудь о том, где он сейчас знает? Не закопают ли его просто где-нибудь однажды? Хотя, если бы хотели закопать, давно закопали бы, а его зачем-то держали. И, конечно же, никак не давали покоя слова адвоката об отработке за откат. Каким образом придется платить по счетам? Вопросов, как обычно, у Сергея было много, и все по-прежнему оставались без ответа. Приходилось продолжать плыть по течению.

Подходил к концу май.

ГЛАВА 3

Вечер был спокойным и обыденным. Сергей, Женька и Андрюха, изнывая от безделья, резались в карты. Послышался шум подъехавшей к дому машины — по всей видимости, вернулся хозяин. Вскоре в доме раздались громкие шаги и раздраженные неразборчивые голоса. Хлопок двери. Ребята сразу же отложили игру, заняв выжидательную позицию — что-то случилось, босс явно был не в духе. Через некоторое время в комнату вошел дядя Саша.

— Ну что, добегался по свиданкам, Ромео, — с сарказмом бросил он Андрею.

— Что? — вскинулся парень, но мужчина с силой толкнул его на место. В пороге появились еще двое — Генка и Данил, перекрывая выход.

— Сиди! — рявкнул на него Александр и повернулся к притихшему Серёге, — Сергей, ты первый на ковер, потом уже ты, придурок, — ткнул Андрею.

В комнате снова началась возня, но Серёга уже не видел, что там происходило, так как скрылся за дверью. Шел как на ватных ногах,

лихорадочно тасуя в голове мысли.

У него-то какой сегодня зихер? Андрей, тот понятно, действительно добегался — неровно дышал на старшую принцессу, истекая слюной до пола и бросая на нее плотоядные взгляды. Девчонка в самом деле ничего так — привлекательная, но на что Андрюха надеялся — непонятно, неужели думал, что ее родители смирятся с таким женихом и благословят их? Наивный албанский парень! Девушка, конечно, кокетливо отвечала на его заигрывания. По всей видимости, ухажер ей тоже нравился. Докуда дошли их ужимки, Сергей не знал, но папаша, похоже, теперь точно оказался в курсе всех событий. Так что с Андреем все понятно — капец ему.

Но его — Сергея — зачем сейчас вызвали? Он вроде ничего не делал плохого. Наоборот, его «подопечный ребёнок» вчера сдала итоговую экзаменационную работу по математике на четыре. Завтра русский. В нем, конечно, Серёга сам не ас, но он вместе с этой бестолочью старательно порылся в учебнике — вспомнили с ней все правила. Может, еще раз стоит повторить? Чтобы наверняка. Настька и сама сейчас усердно налегает, зубы точит о гранит науки. Ей родители за успешное окончание учебного года обещали поездку с подругами в какой-то лагерь. Там уже у ребёнка планов громадьё построилось, практически на чемоданах сидит.

С такими мыслями Сергей зашел в кабинет, минуя спящую туда-сюда по гостиной обеспокоенную маму девочек. Ее заламывание рук, презрительный злой взгляд на Сергея, и вот он уже предстал перед разъяренным попечителем.

— Что там с экзаменами? — рассеянно спросил его мужчина.

— Математика четыре, русский завтра. Готовились.

Юрий Владимирович, казалось, не слушал и в мыслях витал где-то в другом месте. Задумчиво кивнул. Похоже, тяжелые думы бродили в его голове. Тень застыла на лице. После продолжительного молчания он выдал:

— В июне у тебя у самого экзамены. Тоже готовься понемногу. У тебя какой класс? Девятый? — Сергей растерянно кивнул. Мужчина еще больше помрачнел. — Ладно, потом подумаем, что делать дальше. Сиди пока здесь.

Он поспешно вышел за дверь. Шаги быстро удалялись, следом зачастили еще одни, и поднялся душераздирающий визг:

— Папочка! Не трогай его! Папочка, миленький, умоляю! Не трогай его, папочка...

Отец шуганул дочь, обозвав шалавой, связавшейся с босяком. Удаляющийся вой девчонки, голос матери и наступила тишина с далекими отголосками мужских разборок. Пять, десять, пятнадцать, двадцать минут. Вскоре стихли и отголоски. Сергею надоело ждать. Про него, без сомнения, все равно никто уже не помнил. Проходя через гостиную, он заметил сидящую в углу дивана затихшую до неузнаваемости Настю.

— Серёж, — тихо позвала она. Он неохотно остановился. Девчонка его раздражала, но покорно подошёл. — Его убьют?

Доверчивые испуганные глаза смотрели на него. На радужке золотистого цвета несколько темно-коричневых точек, зрачки чуть расширены.

— Не знаю, — он присел напротив, наклонился ближе, заглядывая в эти рыжие глаза бесёнка. Вот и она тоже будущая роковая женщина, которая так же скоро начнет сводить с ума многих мужчин. Сергей взял в руку маленькие тонкие пальчики, тихонько нежно перебирая их, шепотом, как будто выдавал большую и страшную тайну, проговорил. — Но знаешь, что?

— Что? — отозвался шепот в тишине. Настя сама ближе склонилась к Серёге.

— Никогда не связывайся с босяками, — его руки продолжали сжимать ее ладошку. Девчонка скользнула по хватке растерянным взглядом, но не вырвалась. Глаза снова уставились на Сергея. Он так же таинственно продолжал, — в твоём кругу будет много подходящих тебе парней. Богатых, успешных, перспективных, которых одобряют мама и папа. Слышишь, ребёнок? — он провел указательным пальцем по мягкой гладкой щеке, очертил приоткрытые в изумление губы. Зрачки девочки еще больше расширились, короткий вздох, дыхание замерло, и вдруг Сергей неожиданно щелкнул ей по носу.

Криво усмехнувшись, он встал и пошел прочь.

— Козел! — крикнула она ему вслед.

Что в итоге случилось с Андреем, он так и не узнал и его больше никогда не встречал. С глаз долой убрали и старшую дочь. Через пару лет она удачно вышла замуж. Супруг, конечно, был не настолько красив и молод, как Андрей, но жизнь красивую и беспечную он ей устроить смог.

Позже Сергей с дядей Сашей вскользь вернулись к этой теме.

— Босс сам виноват, ограничил свободу девчонке. Вот она и нашла из того, что доступно, — резонно заметил Сергей.

— Много ты понимаешь в воспитании детей, — хмыкнул дядя Саша.

— Ничего не понимаю и понимать не хочу. Но это ведь так? Согласись!

— Возможно, — нехотя кивнул Александр. — Сергей, ты умный пацан, но болтаешь много лишнего.

— Я ж только тебе. А так всегда молчу вроде.

— Вроде... Только мне... Нельзя быть таким доверчивым. С чего ты вообще взял, что я тебе друг?

Сергей нахмурился:

— У меня нет друзей, — категорично заявил. — Друзей вообще не существует. Есть плохие, неплохие и хорошие люди. Ты неплохой, возможно даже хороший.

— Возможно?

— Ага. Возможно...

В июне, как и предупреждал Юрий Владимирович, начались экзамены и у Сергея.

— Ни пуха, ни пера! — бросил ему вслед Александр.

— Ага, к черту.

Сергей взбежал по ступенькам крыльца школы. Сердце бешено колотилось, иногда замирало на пару секунд, а потом снова, срываясь и гулко стуча, летело вниз — в пятки. Перед дверью он замешкался, поспешно вытирая вспотевшие ладони о штанины брюк. Волновался очень. Боялся не за сам экзамен. Ему было совершенно все равно, сдаст он его или нет. Переживал за встречу с одноклассниками и с

той прошлой жизнью в целом.

«Чего боюсь? — спросил он сам себя. — Не плевать ли на всех и всё? Пусть все идут лесом. Моя жизнь — мои правила».

Заставив себя расслабиться, он смело открыл дверь. Гул, царивший в классе, стал резко стихать по нисходящей, образуя шоковую тишину. Ни один из присутствующих, похоже, увидеть Сергея в этот день здесь не ожидал. Его взгляд невольно выцепил некогда самых близких друзей, чуть задержался и равнодушно заскользил по остальным одноклассникам. Поздоровавшись, Сергей нашел свободное место. Абстрагируясь от внешнего мира, который снова начал набирать звуки, достал школьные принадлежности. Узнав о его приходе, тут же прибежала завуч. Нудно долго задавала вопросы:

— Какой будешь предмет по выбору сдавать?

— Без понятия, давайте геометрию.

— Занимался дома?

— О да, конечно занимался.

— Пойдешь в десятый класс?

— Не знаю, не думал.

— Как здоровье? Поправился?

— Хм, здоров. Все хорошо.

Наконец-то начался сам экзамен. Сергей с удовольствием погрузился в мире цифр. Кое-что, как решать в силу пропусков занятий он не знал и знать не мог, но удовлетворенно отметил, что, в общем, на тройку вроде должен потянуть. Время пролетело незаметно. Сдав работу, не мешкаясь, заспешил на выход. Ромка нагнал быстро.

— Серый, подожди, — окликнул он. Сергей обернулся выжидая. — Твоя мать говорит, ты у родственников живешь, — не то спрашивал, не то утверждал парень.

Сергей прищурился, его мысли замерли, не зная, по какому руслу бежать:

— М-м-м... и...?

— Ну, пропал, не появляешься... — замылился друг. Бывший друг.

— На зоне не пытался искать?

— Ну-у, эм-м... так дело же закрыли...

— Да? — Сергей долго задумчиво смотрел на друга. Бывшего друга. Потом встрепенулся, оживляясь, сунул руки в карманы, спросил: — Слушай, Ромыч, я не пойму, ты ж так мечтал о фартовой жизни, что соскочил-то сразу? — тот молчал, поджав губы. Сергей усмехнулся. — Да мне просто любопытно, — внезапно все те мысли, вся обида, непонимание, злость повалились из него наружу, — Ром, это не моя мечта, а твоя. Какого лешего вы всё на меня скинули?

— Тебя ж тоже выпустили, — не понимая, пожал плечами Ромка.

— Это дело десятое, что стало со мной. Что за хрень ты на допросе нес?

— Что сказали, то и подписал. Ты не знаешь, как на меня давили! Тем более там все уже решено было.

— А меня, походу, пряниками кормили, — зло выплюнул Сергей. — Выражаясь твоим любимым языком, Ромыч, ты поступил не по понятиям. Сечешь?

Ромка занервничал, подыскивая правильные слова. Сбоку метнулась тень — чуть поодаль стояла Олеська. Сергей равнодушно оглядел ее. «Секса хочу», — созрела в голове навязчивая мысль, но его окликнул Александр:

— Сергей, — мрачный грозный вид наставника не терпел промедления.

Уже в машине он его отчитывал.

— Тебя предупреждали — никаких контактов. Сдал экзамен и мухой назад.

— Да понял я, — досадно отозвался Серёга. — Он сам увязался, — покосился на мужчину, тот недоверчиво ухмылялся.

— Серёж, зачем все это ворошить? Каждый вынес свой урок, идите каждый своей дорогой. Не надо никому ничего доказывать. Это не тот человек, которому надо доказывать. Понимаешь?

— Угу, — буркнул Сергей. Дядя Саша продолжал напряженно чего-то ждать. Сергей тяжело вздохнул, ерзая. — Да понял я, понял! — клятвенно заверил.

— Что ты понял?

— Всё! Всё понял! Проехали. Не имей мне мозги, — занервничал. — Сам бы с удовольствием кого-нибудь поимел, - пробухтел под нос.

— Что ты там ворчишь, - не расслышав, переспросил Александр.

— Бабу хочу! — выпалил злобно Серёга, закинул руки за голову, развалился развязно на сиденье и прикрыл глаза. Посидел, выжидая. Потом приоткрыл один глаз, покосился на притихшего мужчину. Тот в недоумении молчал, с интересом поглядывая на него. — Что? — взорвался. — Секса хочу! Трахаться! С бабой! Ясно? — прокричал и снова развалился, закрывая глаза. Попытался успокоиться. Бесило всё. Ромка, Олеська, одноклассники, школа, дядя Саша со своими нравами, вообще вся эта ситуация.

В салоне автомобиля раздался громкий смех. Дядя Саша смеялся долго и от души, потом ткнул Серёгу в плечо.

— Да, вижу, в мозги уже бьет. Сходи сегодня с ребятами, расслабься. Предохраняться только не забывай. Болезни там... последствия... дети бывают... Ну, не маленький, знаешь поди...

— М-гм-м...

Расслабляться ему понравилось, другие девочки были не хуже, а, впрочем, даже лучше Олеськи. Что теперь хорошо усвоил Серёга: Олеська — это точно не любовь. И что такое любовь — это надо посмотреть в словаре... когда-нибудь потом... позже... Много позже.

Экзамены пролетели быстро. По геометрии попался знакомый вопрос. По русскому — изложение. С ним он тоже справился, чему-то же его учили восемь с половиной лет. Ромка Сергея теперь принципиально игнорировал. А Серёге не больно-то и хотелось с ним разговаривать. Не тот это человек. Не его. Дядя Саша хоть и зануда, но всегда прав.

Швырнув на стол учителя исписанный листок, Сергей на крыльях счастья вылетел во двор. Там, сидя на заборчике, его поджидали ребята. Босс с водителем уехали по делам и у подопечного сегодня были другие сопровождающие.

— Ну что, Школьник, отстрелялся? — оскалил зубы Данька. По сравнению с другими он по возрасту был не очень далек от Сергея, и

по понятным причинам ему приятно было чувствовать себя старшим.

— Надо отметить, — Женька слегка ткнул кулаком в живот Серёге.

Школьник перехватил руку.

— Не вопрос, — улыбнулся он солнечному дню.

Лето! Каникулы! А главное — Настькины каникулы! Свобода!

ГЛАВА 4

Лето началось замечательно. Сергей активно пытался принимать участие в делах, в основном фонтанируя идеями и вечно вступая в спор: «Почему бы не вот так?» и «Почему именно так?». Умничал, как всегда, за что, как правило, получал лишь щелчок по лбу, чтобы не лез во взрослые дела.

После «активной работы» шел такой же активный отдых. Но отдыхалось недолго. После одной из таких разгульных ночей, Серёгу в состоянии дикого похмелья выдернули для серьезного разговора. Голова гудела и разрывалась от боли, мутило и выворачивало, а ему добавляли по той же самой голове. Он сгибался от боли, сплевывая полный рот крови, но его снова поднимали и вбивали в его дурные мозги словесно и физически, как подобает вести себя несовершеннолетним. Втолковывали о его моральном облике и непотребном поведении, совершенно несоответствующем его подростковому возрасту. Знай, ребёнок, свое место! Слишком рано начал вкушать запретные плоды!

Наступил перерыв, когда он снова околачивался в особняке под домашним арестом или находился при дяде Саше под его пристальным присмотром.

Уже минут сорок точно, они стояли, припарковавшись на площади, в ожидании домработницы, зависшей в химчистке. Александр читал газету, Серега, скучая, разглядывал сквозь окно автомобиля происходящее на улице. В фонтане плескалась детвора, по тротуарам проходили редкие прохожие. В такое пекло мало празддно-гуляющих. Его взгляд остановился на здании кинотеатра, не востребованном уже который год. Где-то в глубоком-глубоком детстве он вроде даже посещал когда-то такой.

— Кино показывать сейчас совсем невыгодно, что ли? — просто так, без какой-либо цели, поинтересовался он.

Александр, не отвлекаясь от прессы, ответил:

— Смотря как организовать, но вообще — нет.

— Ну если организовать, как положено, с пепси и попкорном. Бар — все дела... VIP-зону с диванчиками, — размечтался Сергей.

Дядя Саша на секунду приподнял взгляд:

— Где это ты такие «все дела» насмотрелся?

— Я не видел. Рассказывали.

— М-м, — мужчина снова уткнулся в газету.

— Нет, ну а что, реальная же тема. Народ бы шел туда.

— Возможно...

— Не возможно, а точно, — Сергей вошел в азарт. — У нас вот тут что есть? Совершенно ничего. Так вон, забегаловки с дискотекой для малолеток. Вот и всё. Группы приезжают выступать в концертном зале ДК. Ну смешно же. Развлекательный комплекс нужен, клуб такой — конкретный. Большой. Понимаешь? Концертную площадку путную. Аккустику. Танцпол. Девочки-зажигалки. Стриптиз. Вот это тоже поперло бы.

— Ну да. Тебе бы только девочек, — хмыкнув, отозвался дядя Саша.

— Да причем тут я?! - вспыхнул Серёга. — Я про народ же, а не про себя. И не только про девочек. Зрелища нужны народу. Зрелища!

— Зрелища — это да, — безразлично поддакнул Александр и перелистнул газету.

Сергей досадно отвернулся и замолчал, огорченный пассивным настроением собеседника, но запал не давал долго молчать:

— Босс мог бы неплохо на этом подняться, — между прочим заметил он, но его идеи так и остались проигнорированные.

Поняв, что его детский лепет не интересен, огорченно вздохнул, закурил и снова заскучал. Когда он уже сам почти забыл о разговоре, Александр все же отозвался, откладывая прессу.

— Не переживай, дойдут и до нас твои зрелища. С девочками. Зажигалками, - подмигнул. — А у босса уровень не тот, чтобы это все

мутить. Да и не все так просто, как ты тут рисуешь.

— Ну, а кому сейчас легко? — усмехнулся Серёга. — А с нужным уровнем нужно просто договориться. — Он уже и сам потерял интерес к недавно возникшей идее. — Мля, ну что можно так долго делать в прачечной? А? — вспыхнул.

— В химчистке, — поправил его мужчина.

— Ну да, если в химчистке, то это, конечно все меняет, — Серёга смачно сплюнул в окно и отшвырнул окурок подальше, — в химчистке можно и полдня просидеть.

Аудиенция проходила в неофициальной обстановке. Двое мужчин, казалось, непринужденно беседовали, но это только казалось. Один из них нервничал. Второй — несомненно, был хозяином положения.

— Ну что, Юр? Как там наш бузотер? - поинтересовался тот, что повыше статусом.

Юра развел руками и начал вяло неохотно отчитываться:

— Ну... Как... Экзамены он все сдал — не дурак так-то. Мозговитый. Освоился. С ребятами сошелся быстро. Коммуникабельный мальчик. Но уж больно покуралесить любит, да девок попортить... Только успевай глядеть за ним. Шантропа, одним словом, — Юрий поморщился, невольно вспоминая о подопечном, доставившем ему немалые неприятности своими загулами.

Важный собеседник вскинул бровь. Непонятно то ли удивился, то ли не понравилась ему услышанная информация. Юрий тут же поспешил заверить:

— Но я его к Сашке сейчас привязал прочно. Так что под присмотром. Нормально теперь. Сашке теперь сушит мозги пацан своей энергией. Фантазер неугомонный. Идеи так и прут. Клуб открыть — бизнес-план уже накидал.

Юра улыбнулся, выжидательно глядя на все еще продолжавшего молчать мужчину. Покажется ли ему это тоже веселым? По лицу того все-таки скользнуло подобие улыбки.

— Идеи, — хмыкнул он, задумавшись, — идеи — это хорошо... Какой класс наш бизнесмен закончил?

— Девятый вроде.

— М-да, малолетка... — Возраст Сергея у мужчины вызвал разочарование. — Что ж, школу пусть заканчивает для начала школьник, я так думаю. Так ведь, Юр? Учиться, учиться и еще раз учиться!

Юре, если честно, до лампочки было образование этого непонятно для чего свалившегося на его голову подростка. Обдумывая свое, он пожевал губами и осторожно предложил:

— А может, все-таки лучше отпустить его уже? А? Пусть живет дома и учится сколько угодно. А, Кирилл? Жена ведь бесится из-за него... Думает — мой... Хоть экспертизу делай.

— Так сделай. В чем проблема? — отмахнулся Кирилл — Докажи ей. Не твой же.

— Не мой, — кивнул Юрий, — но все равно, Кирилл, давай отпустим его. Зачем он нужен?

Кирилл посерьезнел и даже немного разозлился.

— Зачем? Не знаю, — он встал и раздраженно заходил взад-вперед, — не знаю пока зачем. Не знаю. Пусть сидит пока, где сидит. Вот с Сашкой пусть и сидит. Время покажет, что с этим ублюдком делать, — последние слова он пробухтел едва слышно себе под нос. — И займи его чем-нибудь, чтоб меньше шмонался.

— Чем? Чем я его займу? Он же малолетка еще.

— Да чем угодно. Клубом, например, тем же самым. Хотелось же ему. Вот. Ты открывай — он пусть вникает.

Юрий призадумался, прикидывая плюсы, минусы и возможные проблемы у такой идеи. Такие проекты только наивный Серёга мог быстро в мечтах накидать. На деле же надо все хорошо обдумать.

— Ладно, — согласился он, придумаем что-нибудь. — А как же учеба?

— После учебы, естественно. В свободное время.

— Понятно. Может, тогда его с Настькой в одну школу определить? — поняв, что отвязаться от подкидыша ему все равно не удастся, Юрий смиренно предложил такой вариант. — Таскать ведь по разным заведениям неудобно.

Кирилл, успокоившись, сел, побарабанил пальцами по столу.

— Нет. В вашу школу нельзя, - категорично отказал он, — там же Славка учится. Понимаешь? Опять подерутся. Мне со Славкиным отцом проблемы больше не нужны, так что пусть учится у блюдока, где-нибудь подальше. Не выдумывай.

Осень выдалась богатой на события. Сергея вернули в школу, но жить он остался все равно под присмотром Юрия Владимировича. Серёга так и не понимал, для чего его держали. Дело давно закрыто. Польза от него сомнительная. Что он мог им дать в свои шестнадцать, ну почти семнадцать, лет? Обуза и лишняя головная боль. Тем не менее его содержали, кормили, да еще теперь сопровождали каждый день в школу. Чтобы благодетели прониклись к нему теплыми чувствами и на самом деле переживали за его судьбу, не было заметно. Уже стало непонятно, кто из них на самом деле отбывал повинность, он или его надзиратели. Искать разъяснения Сергей снова шел к дяде Саше. Вот уж кто был «Макаренко» от бога.

— Ты же не всегда будешь маленьким, — отвечал тот, — и тебя есть, чем держать, ты — должник.

— Считаешь, это выгодное вложение? — засомневался Серёга.

— Вполне перспективное, думаю, — согласился дядя Саша.

Все это звучало очень неубедительно. Сергей чувствовал, что причина кроется в чем-то совершенно другом, но она скрыта и на данный момент для него недоступна. В любом случае, изменить что-либо он не мог, да и уже вроде не хотел. Наступила очень интересная пора: босс начал продвигать высказанную мимоходом им — Сергеем — идею, причем в этой кампании ему позволяли принимать самое активное участие. Первое серьезное дело поглотило его с головой. Азарт поднимал в крови уровень адреналина, и при таком раскладе полностью отпадало желание учиться. Первое время он еще исправно посещал все уроки, потом выборочно, а дальше уже безбожно прогуливал, откровенно забив на школу. Какая может быть учеба, если вокруг происходило столько интересного? Однако, если сам он очень халатно относился к учебе и едва-едва успевал получать хоть

какие-то оценки, то за успеваемостью Насти продолжал усердно следить. Слабину избалованное дитя чувствовало сразу, и стоило Сергею немного замешкаться, погрязнув в делах, череда неудовлетворительных оценок моментально заполняла школьный журнал девочки.

Близилась к концу первая четверть. Сергей в кабинете классного руководителя Анастасии листал тот самый журнал. Девчонка с борзым видом чавкала жвачкой, сидя рядом на парте.

— Вы ее родственник? — осторожно поинтересовалась вполне себе интеллигентная женщина.

— Я ее кошмар, — хмыкнул Сергей. — Насть, слезь со стола.

Соплячка даже не шелохнулась, надув огромный пузырь из жевательной резинки, смачно лопнула его и снова зачавкала.

Серёга тяжело вздохнул, уставившись на девчонку злым взглядом. Поднес руку к ее лицу и подставил к губам ладонь.

— Дай сюда, — приказал, хмурясь. Настька фыркнула и плюнула ему на руку. — Красавица! — цокнул он и покачал головой. — Настюш, ты же знаешь, милые барышни себя так не ведут! — сунул жвачку в кармашек ее джинсов. — У тебя есть еще несколько дней, чтобы все исправить, — он покосился на выписанные на листок оценки. — Вот смотри. История, физика, география и английский...

— С удовольствием позанимаюсь с тобой английским, — съязвила девчонка, зная его проблемы с языками, презрительно хмыкнула.

— Не дерзи, — спокойно отозвался он, — иначе папеньке все доложу, и тогда тебе на все каникулы будет светить лишь твоя светлица. Слышала, девица?

Настя снова надменно фыркнула и перешла в наступление:

— Сам-то вообще в школу не ходишь. Школьник! Мне тоже есть что папе сказать!

— Мне по статусу не положено быть грамотным, — не растерялся Сергей, встав, поблагодарил учительницу и попрощался с ней. Потянул девочку за руку. — Пошли, недоразумение! Аглицкому тебя буду учить.

Они выходили со школьного двора, когда Сергей четко ощутил на себе взгляд. Взгляд пронзал, давил и уничтожал. Кому он принадлежал Серёга узнал сразу. Вячеслав — Славка. Это имя врезалось в память словно каленым железом со времен допросов. Пацан — один из двух пострадавших в тот злосчастный день. У Сергея даже сомнений не возникло — он это или не он. Хоть и видел его лишь однажды, и то поздно вечером, знал определенно — это он.

Ситуация в этот раз в корне изменилась. Теперь противников было четверо, а их двое — он, да Настька. Сергей покосился на девчонку, прикидывая, можно ли ее брать в расчет. Помощи от нее точно никакой, скорее всего этому балласту, наоборот, требовалась дополнительная защита.

Похоже, все же надо побережь ребенка, иначе отгребет Сергей не только от этих мажориков, но и от ее отца. Да и помощь из нее в любом случае сомнительная. Не считая того, что она, как ни крути, девчонка, так эта чертовка из вредности, скорее всего, еще и подмогу позовет, чтоб его добились